

Константин Аксаков

Взгляд на русскую литературу с Петра Первого

Константин Аксаков

**Взгляд на русскую
литературу с Петра Первого**

«Public Domain»

1860

Аксаков К. С.

Взгляд на русскую литературу с Петра Первого / К. С. Аксаков —
«Public Domain», 1860

ISBN 978-5-457-13469-0

«В суждениях о русской жизни, каковы бы они ни были, трудно удержаться, чтобы не натолкнуться на Петра Великого и в то же время, разумеется, на древнюю Русь. Это происходит не оттого, что теперь, что и понятно, при желании собственного сознания, все беспрестанно говорят о Петре и древней Руси, а оттого, что это вопрос сам по себе неизбежный и существенный, что в нем лежит разгадка нашей жизни, оттого, что это не только добрая воля писателей, употребляемая справедливо потребностью настоящей минуты, но оттого, что в самом деле нигде и ни в чем нельзя обойти его...»

ISBN 978-5-457-13469-0

© Аксаков К. С., 1860
© Public Domain, 1860

Константин Сергеевич Аксаков

Взгляд на русскую литературу с Петра Первого

В суждениях о русской жизни, каковы бы они ни были, трудно удержаться, чтобы не натолкнуться на Петра Великого и в то же время, разумеется, на древнюю Русь. Это происходит не оттого, что теперь, что и понятно, при желании собственного сознания, все беспрестанно говорят о Петре и древней Руси, а оттого, что это вопрос сам по себе неизбежный и существенный, что в нем лежит разгадка нашей жизни, оттого, что это не только добрая воля писателей, употребляемая справедливо потребностью настоящей минуты, но оттого, что в самом деле нигде и ни в чем нельзя обойти его. Другими словами, это не только вопрос дня, современный, но существенно важный для всех времен. Таков смысл Петровского переворота. Переворот Петра значительнее, чем междоусобия уделов, татарское иго или польское разорение 1612 года, уже и потому, что мы чувствуем его до сих пор. Современность бесспорно придает ему новую важность и силу. Переворот Петра, борьба вследствие его, конечно, не кончились. Нерешенный вопрос действует в жизни и стремится к решению. Под условием его все мы и вся наша русская жизнь.

Русская литература, думали прежде, начинается с Петра. Это мнение, поддерживаемое незнанием, устарелое, но еще и теперь встречающееся, есть похвальное слово царствующему преобразователю, со времени которого и началась, собственно, возможность таких похвальных слов. Но мнение науки не должно быть похвальным словом: она смотрит ясно, не смущаясь земным величием.

Вопрос: когда началась у нас литература? — решается ответом на другой вопрос: что понимать под словом *литература*? Если разуместь собрание драм, романов, элегий, эклог, идиллий, сонетов и т. д., то, хотя и с натяжкой, можно бы согласиться, что вся эта вереница стихотворений и прозаических сочинений, весь этот бумажный хлам, которым мы довольно богаты, конечно, начался с Петра. Если сказать, что литература есть совокупность произведений изящных, поэтических не только по одной форме, но и по внутреннему содержанию (определение верное литературы собственно), то вышеприведенное мнение будет уже несправедливо очевидно, хотя здесь, однако же, может возникнуть спор, понимать ли песни уже как явление литературы или нет и т. д.

Но как скоро вы принимаете литературу как выражение жизни народной в письме и слове, определение, только раздвигающее ее границы, определение, признаваемое и отрицателями литературы до Петра, — то отвергать литературу до Петра становится решительною несообразностью, даже нелепостью.

Народная жизнь до Петра выражалась и в письме, и в слове. Ее выражение было по преимуществу духовное. Начало веры, основное начало русской жизни, до самого Петра Великого почти одно двигало слово устное и письменное. С переворотом Петра начало это не исчезло; оно всегда и навсегда остается краеугольным камнем жизни русской. Но оно удалилось от жизни общества, которое со времени Петра отделилось от народа, которое сбросило платье и основы жизни предков и подчинило свою жизнь во всех отношениях светским условиям западной моды. Удалилось оно от нашего так называемого образованного или, лучше, только преобразованного общества, но хранится неотъемлемо в простом народе, — условие тишины и спокойствия в государстве.

Мы должны сделать две оговорки: в наше время царствует такое недоразумение, добросовестное или недобросовестное, что эти оговорки необходимы, да едва ли еще они помогут. Первое. Говоря о том, что вера оставила жизнь нашего преобразованного общества, я

не говорю о частных лицах, составляющих исключение, но жизнь самого общества, сам образ его жизни лишен присутствия веры. Потом – второе. Да не подумают, чтобы наука и просвещение были в моих глазах чем-то чуждым русскому народу: ничуть не бывало. *Ученые свет, а неученье тьма*. Но надобно, чтобы наука, чтобы просвещение приняли свой самобытный характер, *чтобы, стремясь к общечеловеческому, они выходили из народа*. Не надобно, чтобы обезьяна, со всем ее мастерством, была высшим идеалом, предметом поклонения, законодательницей нашего общества, как еще продолжается до сих пор. Мы должны обратиться к народу, которого мы не знаем. Самобытность, народность – вот первое условие всякой жизни, всякого успеха. Как скоро народ самобытен, всякое знание его, наука его полезна и приносит плод не ему одному, а всему человечеству. Как скоро он не самобытен, к чему ему знание, просвещение? Всякое знание его бессильно, подражательно и не стоит гроша; он должен быть обезьяною в человечестве – участь незавидная. Мы являем тому пример. Долго мы усердно, слепо, верно повторяли все мысли и даже чувства Европы задним числом и всегда, разумеется, оставались назади, потому что шли путем не народным, потому что забыли нашу народность и до сих пор хотели обойтись без нее, не признавали ее прав. Надо знать простую истину: *кто за кем идет, тот с тем не сравнивается*. Долго не народ наш, но наше преобразованное общество шло путем обезьяны. Но пусть это будет только временный путь. Для нас возможно оставление недостойного нас образа. Как скоро пробудилось сознание, уже возможно возрождение; а простой народ, сохранившийся в своей замкнутой самобытности до настоящей светлой минуты сознания в потребности народной жизни, не увлекшийся гремушками и ловкими штуками обезьяны-общества, есть верное ручательство, что народность, самобытность для русской земли возможна.

Переворот Петра, о котором и случалось нам говорить, о котором и еще могли бы сказать многое и о котором говорить в этой статье считаем неуместным, – переворот Петра готовился и прежде. Но Петр решительно проявил, что собиралось выразиться, и вместо отрицательного придавал положительный характер своему делу. Здесь-то явилось это напряженное, насильственное, запечатленное односторонностью дело, отсюда-то явился *переворот*, а не переход. Итак, переворот Петра, несмотря на предварительные причины, принадлежит вполне, с добром и злом, Петру (во всяком случае, его времени, его эпохе, которую так выразила история в лице Петра). Переворот Петра выразился и в литературе, верном зеркале народной жизни. На нее-то обратим свое внимание.

Совершался переход в новую односторонность, наступала страшная, небывалая отвлеченность. Следствие принималось без причины, результат, результат жизни, без вывода. Побужденный ложным во многих отношениях состоянием России, ложным всегда более относительно духа и существа ее самой, не поискав в ней самой исцеления от зла, Петр круто перегнул и противоположную сторону. Старые русские формы, привязанность к ним он не уничтожил в их ошибочности, но заменил их новыми, только чуждыми формами и новою, еще сильнейшею привязанностию к ним. Если был какой-нибудь формализм в России перед Петром, то он утолялся постоянно близостью, если не связью, с национальной жизнью; это была такая шелуха, которая образовалась на родном дереве и сама, внутренним только ростом и жизнью этого дерева, могла отвалиться. Старый национальный формализм заменен был новым, европейским формализмом, чуждым чистым формализмом, формализмом по преимуществу, ибо в нем не было и национальной связи, – отвлеченным, страшным и развившим до исполинских размеров свое владычество. На нас, говорят, лежали цепи исключительной национальности – но разве Петр снял их? Он только переменял цепи на цепи; цепи своей исключительной национальности он переменял на цепи чужеземной исключительной национальности, национальности европейской, цепи, следовательно, тягчайшие. Возьмем один пример: одежду. Она была исключительна, говорят (хотя это не совсем справедливо), но она не вытесняла одежды чуждые, но она образовалась в России, не выгнав из нее насиль-

ственно никакой прежней одежды. Против этой исключительности явилась одежда европейская – и каким образом? Как самая исключительная, со всеми средствами и мерами принуждения, от денежной пени до казни. Где же более исключительности и где она тяжелее? Это ли значит освободиться от тесноты национальности, когда какая бы то ни было национальность – предмет такого гонения? Освободиться от национальности в том, в чем она может быть не права, значит только признать всякую национальность, права ее. Петр же и его переворот не вышел из пределов национальности, как часто легкомысленно повторяют. Петр освободился от национальности, *но только русской*, покорившись другой национальности, *европейской*, и во имя последней, *чуждой*, стал гнать первую, *свою*. – Такая неправда не могла не иметь вредных следствий: человеческое явилось к нам в образе чуждой, безжалостной и теснящей национальности; понятно после этого противодействие многих умов и слова Петру Кикина: «Ты говоришь, государь, что я умен; оттого я тебя не люблю. Ум любит *простор*, а от тебя ему *тесно*». И точно, добро переворота потерпело от зла, от тесноты его, от односторонности. Это, как мы сказали, не могло не иметь следствий. Нашему времени предстоит поправить или, по крайней мере, поправлять ошибку Петра. Но на все это смотрим мы как на искушение нашей Руси, на испытание не без причины, на новую борьбу, долженствующую укрепить ее силы, из которой выйдет она победительницей, еще могущественнее и краше.

Обратимся к предмету. Переворот был крут и решителен, но не все уступило преобразованию – и Русь разорвалась надвое. Явилось разделение на публику (новопреобразованное общество) и народ. Земля и народ (простой) удалились в молчание, сберегая свою жизнь до лучшего времени; арена осталась пуста; на ней появилось новопреобразованное общество. Отвлеченная деятельность закипела; новое слово покорно залепетало все вокабулы, и диалоги, и все уроки Европы. И в этом-то отвлеченном движении возникла у нас литература новая, которую по преимуществу называют литературою. Литература с Петра есть литература публики, а не народа, литература отвлеченной стороны народа, литература дворянская, чиновничья всех четырнадцати рангов, правительственная, правительством созданная и его воспевающая, литература безбородого класса. Народу до нее нет никакого дела. Что могло быть в литературе, оторванной от народа? Но она останется для нас интересною именно по своему отвлеченному характеру, по своей отвлеченной сфере и по тем усилиям, которые должен был делать личный талант писателей, чтобы не пасть под бременем пустоты и богатым изобилием блестящей мишуры, великолепной лжи, вечных ходуль, натянутых фраз, обезьянства и накинутах на себя разных претензий, восторгов и похвал. Она и грустно, и радостно любопытна для нас по движениям русской души, пробуждавшейся смутно и чувствовавшей себя нехорошо в этой отвлеченной, холодной сфере, – одна, без народа. Но эти указанные отношения, эти явления – это все исторические судьбы нашей жизни, не прошедшие, но идущие и теперь пред нашими глазами, не окончившиеся, но продолжающие свое действие. Наше дело вникнуть в них, представить их в настоящем свете, как мы понимаем; а теперь именно, кажется, да будут позволены нам эти слова, блеснул свет настоящий.

Итак, выведем положения из сказанного нами. Петр не освобождал от исключительной национальности и не вносил общечеловеческого в народность русскую. Петр переменил насильственно одну безусловную национальность, русскую, на другую, европейскую, – следовательно, он переменил только цепи на цепи тягчайшие. Не все последовали, ему уступила только одна сторона. Земля разделилась на публику и народ. Мнение свое о публике мы сказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.